

ЯПОНИЯ НЕ ПРОШЛА ЧЕРЕЗ САМООЧИЩЕНИЕ ОТ ГРЕХОВ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛОГО

Георгий Кунадзе

ГЕОРГИЙ КУНАДЗЕ — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, в 1991–1994 годах — заместитель министра иностранных дел РФ, бывший посол в Республике Корея.

В Японии память о Второй мировой войне по-прежнему жива и актуальна. В том числе потому, что эта страна так и не прошла до конца через самоочищение от грехов и преступлений прошлого. Отсюда и недоговоренность в вопросах истории. Такое положение вещей имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

Сначала о позитиве. Принято считать, что японцы — народ довольно депрессивный, склонный к рефлексии. Но есть у них какой-то твердый внутренний стержень, порожденный осознанием непрерывности истории. Ее хорошими страницами японцы гордятся, а плохие не могут себя заставить отстраненно осудить. Отсюда исторический оптимизм и естественный, некрикливый патриотизм.

Вместе с тем соседи Японии, прежде всего Китай и обе Кореи, не устают упрекать ее в нежела-

нии раскаяться за прошлое и требуют извинений. Необходимость оправдываться очень тяготит японцев. **А неготовность осудить свое прошлое обрекает японскую политику в Азии на априорное недоверие других государств.**

Чтобы прийти к взаимопониманию с соседями по вопросам истории, Японии потребовалось бы признать и недвусмысленно осудить, например, резню в Нанкине или практику насильственной «мобилизации» корейских и китайских женщин на «службу» в публичных домах для солдат. Однако убедительно раскаяться у Японии не получается.

У Германии это вышло. Поэтому сегодня у кого-то из израильтян может оставаться личная антипатия к немцам, но между Германией и Израилем проблемы отношения к прошлому не существуют.

Наряду с этим в отношениях между Россией и, например, Польшей такая проблема сохраняется. Во многом потому, что ни российские лидеры после Ельцина, ни общество в целом не находят в себе мужества недвусмысленно осудить преступления сталинского режима. Тот же расстрел польских офицеров под Катыню — чудовищное злодеяние, которое в России даже не готовы гласно и открыто расследовать. **В чем-то мы, видимо, похожи на японцев.**

Одним из символов исторической памяти в Японии является храм Ясукуни, где символически упокоились души всех, кто погиб за Японию. Правые, виноватые — их всех поминают в храме. Такова синтоистская традиция. Уважая все религии, мы не вправе осуждать и каноны, воплощенные в обрядах храма Ясукуни. Другое дело, что светское государство избегает инкорпорирования ре-

лигиозных канонов в политику. В этом смысле отказ большинства японских премьер-министров от посещения храма Ясукуни в своем официальном качестве представляется японцам единственно разумным.

Подавляющее большинство японцев объединяет подсознательное нежелание без конца беречь старые раны. Показателен в этом смысле вопрос с учебниками истории. Японские учебники истории довольно «толерантны» в оценках темных страниц прошлого. По уровню тенденциозности я бы их сравнил с нашим учебником под редакцией Филиппова.

Лет пять–шесть назад было ощущение, что националистические настроения в Японии усиливаются. А сейчас заметно, что такие настроения пошли на убыль. Сегодня в Японии их уровень совершенно недостаточен, например, для пересмотра конституции и тем более для осознанного стремления к ревизии итогов Второй мировой войны.

Японцы — народ, который можно объединить общей целью. До 1945 года была цель подчинить мир силой оружия. Это не удалось. И цель изменилась. Те-

По отношению к нашей стране японцы считают себя пострадавшими

перь японцы стремятся доказать, что в рамках мирного экономического соревнования их страна способна стать одним из мировых лидеров. В чем и преуспевают, не отвлекаясь на поиск других средств самоутверждения. Хотя, конечно, японцы — это народ с хорошей исторической памятью, не забывающий прошлых обид.

В этом контексте можно рассматривать и проблему так назы-

ваемых северных территорий — наших Южных Курил, на которые претендует Япония.

Думаю, сами по себе эти острова японцам не очень нужны, особенно в том запущенном виде, в котором мы их содержим. Чтобы освоить Южные Курилы, японцам потребовалось бы вложить огромные средства без какой-либо разумной отдачи. А лишних денег у Японии нет. Может, потому она и богата, что не выбрасывает деньги на ветер.

Другое дело, что многие нации любят изображать себя жертвой обстоятельств, чужой воли или несправдливости. У японцев своеобразный «синдром жертвы» оказался сфокусированным на вопросе Южных Курил. Но задумаемся и о том, какова логика тех в нашей стране, кто рассуждает о необходимости добиваться возврата Крыма или еще каких-то утраченных территорий исторической России. Примерно та же логика движет японцами.

Для японского массового сознания вопрос «северных территорий» важнее других территориальных претензий к соседям. В том числе и потому, что по отношению к России, вернее, к СССР японцы ощущают себя пострадавшей стороной. Японцы помнят, что их страна напала на США, но на СССР не нападала. Наоборот, это СССР напал на Японию. После войны свыше полумиллиона японских военнопленных угнали в Сибирь и в нарушение международного права держали там долгие годы. Каждый десятый умер от непосильного труда, холода и лишения. Поэтому **по отношению к нашей стране японцы считают себя пострадавшими.**

Прямые параллели между Россией и Японией некорректны. Это разные страны, разные нации, с разным менталитетом и разной историей. Но, чтобы лучше понять чувства японцев, стоит задуматься, что ощущают

многие в нашей собственной стране. Японцы, потерпев поражение в войне, чувствовали себя униженными и оскорбленными. Мы, напротив, в холодной войне вроде бы не проиграли. Скорее победили, раз смогли отказаться от тупикового пути развития. Но миллионы людей все равно продолжают чувствовать себя обиженными, оскорбленными и в чем-то ущемленными. И здесь параллель уместна.

Японцы смогли направить обиду в мирное конструктивное русло. Мы же пока сознательно эксплуатируем чувство обиды, холим его и лелеем, пытаемся самоутвердиться во многом старыми методами. Модное ныне клише «вставания с колен» — это сознательная эксплуатация образа униженного и оскорбленного народа. Японцы таких клише себе никогда не позволяли. Они просто работали, стиснув зубы. ■

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ОТНОШЕНИЯХ ЯПОНИИ С СОСЕДЯМИ

АРТУР СТОКВИН — профессор Оксфордского университета, почетный директор Института японских исследований Nissan Специально для РЖ

Либерально-демократическая партия Японии (ЛДПЯ), правившая в течение почти всех послевоенных лет, всегда стремилась опираться на максимально широкие слои населения. Важным следствием этого является то, что значение идеологии снижается.

Пожалуй, самым идеологизированным премьером был Дзюньитиро Коидзуми, придерживавшийся правых националистических взглядов. Его действия — в частности, регулярные посещения храма памяти павших воинов Ясукуни — наглядное свидетельство этого. Эти демонстративные посещения всегда вызвали негативную реакцию в странах, пострадавших от Японии в годы Второй мировой войны, особенно в Китае и Корее.

Посещения храма премьером не единственный момент, связанный с «политикой памяти» в отношениях Японии с соседями. Хотя в середине 1990-х годов тогдашний премьер, лидер Социалистической

партии, ненадолго пришедшей к власти, Томиити Мураяма принес публичные извинения за жестокости, творимые в годы войны, последующие правительства несколько отошли от этой позиции.

Несколько лет назад разразился громкий скандал, вызванный публикацией в Японии школьных учебников истории. Впрочем, подобные истории случаются еще с начала 1980-х годов.

Японское министерство образования контролирует содержание учебников, определяя, что можно писать, что нет. В итоге, например, из учебников изымаются любые упоминания о том, как японцы использовали женщин из оккупированных стран в качестве проституток для своих солдат.

В наследство от Второй мировой войны Японии досталась и проблема так называемых северных территорий. **Меня удивляет, что Россия и Япония не решили ее много лет назад. Решить ее можно только на основе компромисса.** В конце концов, население этих территорий невелико.

Да, острова играют важную роль в вопросах рыболовства, но на это счет существуют межгосударственные соглашения, регулирующие процесс добычи биоресурсов.

Я не испытываю большого оптимизма в плане скорейшего решения проблемы. Обе стороны заняли максималистские позиции, и готовности к компромиссу не видно. ■